

Е.А. Светлова

E.A. Svetlova

**К ВОПРОСУ О ЛИЧНЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ
ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ФЕДОРОВНЫ
С УЧАСТНИКАМИ ВОЙНЫ 1812 ГОДА
(ПО МАТЕРИАЛАМ ОР РНБ)**

**TO THE QUESTION OF THE PERSONAL RELATIONSHIP
OF EMPRESS MARIA FEODOROVNA
WITH THE PARTICIPANTS OF THE WAR OF 1812
(BASED ON THE MATERIALS OF THE MANUSCRIPTS
DEPARTMENT OF THE NATIONAL LIBRARY OF RUSSIA)**

В данной научной статье, используя архивные документы из Отдела рукописей Российской национальной библиотеки, автор рассматривает сохранившуюся корреспонденцию между императрицей Марией Федоровной и такими участниками Отечественной войны 1812 года, как П.И. Багратион, М.И. Платов и М.И. Кутузов. В ходе анализа сохранившейся переписки автор предпринимает попытку выявить характер существовавших взаимоотношений между императрицей и героями войны 1812 года.

In this scientific article, using archival documents from the Manuscripts Department of the National Library of Russia, the author examines the preserved correspondence between Empress Maria Feodorovna and such participants of the Patriotic War of 1812 as P.I. Bagration, M.I. Platov and M.I. Kutuzov. During the analysis of the preserved correspondence, the author attempts to reveal the nature of the existing relationship between the Empress and the heroes of the War of 1812.

Ключевые слова: императрица Мария Федоровна, П.И. Багратион, М.И. Платов, М.И. Кутузов, письма, переписка.

Keywords: Empress Maria Feodorovna, P.I. Bagration, M.I. Platov, M.I. Kutuzov, letters, correspondence.

Во всемирной истории, как и в истории России, неотъемлемой составляющей различных исторических событий были личные взаимоотношения между современниками этих конкретных событий. Несмотря на то, что прошло уже более двух столетий, на сегодняшний день сохранилась возможность выявить характер личных взаимоотношений между историческими личностями, поскольку они отражены, например, в личной переписке между двумя корреспондентами.

И хоть порой корреспонденция сохраняется не в полном объеме, все-таки в настоящее время мы можем произвести анализ сохранившихся писем и предположить, какие же именно были отношения между адресатами, очертить круг дружеских и приятельских, или же чисто деловых отношений той или иной исторической личности. Исключением из этого списка не стала и вдовствующая императрица Мария Федоровна, которая еще задолго до 1812 г. начала вести переписку с некоторыми военачальниками, а во время Отечественной войны продолжала ее. Именно поэтому в данном исследовании предпринята попытка проанализировать сохранившиеся письма императрицы, находящиеся ныне в ОР РНБ, для реконструкции взаимоотношений Марии Федоровны с такими участниками войны 1812 года, как П.И. Багратион, М.И. Платов и М.И. Кутузов.

Анализируя личную переписку, в первую очередь, нельзя не сказать о взаимоотношениях императрицы Марии Федоровны с начальником 2-й Западной армии генералом от инфантерии князем Петром Ивановичем Багратионом. С этим полководцем императрицу связывали давнишние отношения, поскольку с 1806 г. П.И. Багратион выполнял обязанности военного коменданта Павловска, любимой летней резиденции Марии Федоровны. К сожалению, находящиеся в ОР РНБ пять писем императрицы к князю и четыре письма от Багратиона к Марии Федоровне охватывают совершенно разные годы. Так, письма от императрицы датируются: самое раннее 18 апреля 1807 г., самое позднее — 03 февраля 1808 г. То есть вдовствующая императрица писала к князю в то время, когда П.И. Багратион находился в Восточной Пруссии, и воевал в составе четвертой коалиции против французов. Письма же Багратиона охватывают временной интервал с 10 февраля по 14 октября 1809 г. — то есть они написа-

ны в ходе русско-шведской войны. Последнее же, четвертое письмо было написано 6 января 1810 г. уже во время пребывания Багратиона в Молдавской армии.

Уже в самом первом письме от императрицы к П.И. Багратиону, написанному примерно через год после назначения князя на должность военного коменданта Павловска, можно заметить оттенок дружественно-покровительственного отношения со стороны вдовствующей императрицы, который сохранялся во всех ее письмах 1807–1808 гг. Каждый раз императрица завершала свое письмо пожеланиями здоровья князю и всегда прибавляла, что она очень ждет его в Павловске. Так, например, свое последнее письмо от 1 декабря 1808 г., которое хранится в ОР РНБ, Мария Федоровна закончила так: «Прощайте батюшка: Дай Бог вам здоровья и будьте уверены, что Я всегда буду вам смиренно доброжелательна»¹. Пожалуй, самым примечательным письмом от императрицы к Багратиону можно назвать письмо от 14 мая 1807 г. В этом послании императрица искреннее благодарит князя за посланный ей рисунок, который изображает императора Александра I во время осмотра вражеских позиций: «Письмо ваше от 20-го сего месяца с рисунком <...> получено мною с таким удовольствием, с каковым приемлю Я всякое новое доказательство известной мне вашей ревностнейшей приверженности и усердия. <...> Вы никак не ошиблись, полагая, что рисунок мне весьма приятен будет»². И такие искренние заверения в бесконечном благорасположении присутствуют даже в тех письмах к генералу, в которых вдовствующая императрица доводит до него информацию о получении для авангарда необходимых бинтов и корпии или же просит прислать ей в Гатчину в Екатерининское училище унтер-офицера.

Ответные письма П.И. Багратиона, как уже было обозначено ранее, охватывают уже в основном лишь 1809 г. Исходя в целом из представленных в них красноречивых заверений князя в его глубочайшем почтении, можно сделать вывод о том, что это дружественное отношение, исходящее от императрицы, продолжалось и весь 1809 г. Это предположение подтверждается в письме Багратиона к императрице от 14 октября 1809 г., в котором он пишет: «Удостоился я также получить Всемилостивейшее писание Вашего Императорского Величества от 29-го минувшего сентября. Содержащиеся в

оном толико благоволительная изречения, обнаруживающия драгоценнейшее ко мне милосердие Вашего Императорского Величества возлагают на меня священнейшую обязанность повергнуться к стопам Вашим»³. В целом, исходя из содержания всех четырех писем, можно сделать вывод о том, что пользуясь монаршим благоволением, все же П.И. Багратион старался не беспокоить императрицу просто так. Лишь одно письмо от 10 февраля 1809 г. содержит просьбу к императрице о сестрах генерал-майора Чоголокова: оставить девушек после выпуска еще на два месяца в Смольном институте⁴. Остальные же письма — это сохранившиеся до наших дней знаки почтения боевого генерала по отношению к императрице: письмо от 14 октября 1809 г. содержит красноречивое поздравление с днем рождения Марии Федоровны⁵, а более раннее от 25 апреля — с днем бракосочетания великой княжны Екатерины Павловны⁶. Последнее письмо от 6 февраля 1810 г. также написано с целью поздравить вдовствующую императрицу с наступившим Новым годом⁷.

Еще один военачальник, который никогда не упускал случая доказать императрице свое почтение, и который имел продолжительную переписку с Марией Федоровной — это атаман войска Донского Матвей Иванович Платов. В приведенном ранее письме к П.И. Багратиону от 18 апреля 1807 г. императрица, помимо изъявлений дружеского расположения к князю, также приписала следующее: «Прошу вас поклониться от Меня Матвею Ивановичу Платову»⁸. На основании этого прибавления от императрицы подтверждается тот факт, что ее знакомство с Платовым случилось задолго до Отечественной войны 1812 года и даже до начала Четвертой антифранцузской коалиции. Также можно с уверенностью утверждать, что П.И. Багратион этот привет от императрицы М.И. Платову передал, поскольку уже письмо атамана войска Донского к императрице от 4 мая 1807 г. начинается следующими словами: «Всемиловитейшая Государыня! Имел я счастье удостоиться видеть в письме Князя Багратиона, приписанное ко мне Ваше Императорское Всемиловитейшая Государыня благоволение, и сверх того сего дня в полученном мною письме, от Генерала Вязмитинова, таковое же Всемиловитейшее, спешу яко подданнейший принести за таковое Ваше Императорское Всемиловитейшее напоминание обо мне, подданническую душевную и всенижайшую мою благодар-

ность»⁹. Как можно заметить, эти два прибавления в письмах к князю Багратиону и генералу Вязмитинову, нашли живой отклик у М.И. Платова. Более того, в этом же письме атаман раскрывает их отношения с императрицей еще более подробно: «Всемиловейшая Государыня! благословением Твоим, которым Вы Всемиловейше удостоили меня при отъезде моем в 15 день Генваря, доехал я за границу к Армии в рассуждении нездоровья моего поспешно, прибыл накануне Прейш-Эйлаусского достопамятного сражения»¹⁰. Несомненно в данном случае идет речь именно о личном благословении императрицы Марии Федоровны М.И. Платова, поскольку через два года подобная ситуация повторилась, и генерал не преминул напомнить об этом в письме от 22 июля 1809 г.: «Высочайшим Вашим благословением, которое я удостоился принять с особливейшим благоговением моим от Вас Всемиловейшая Государыня при самом выезде моем из Санкт-Петербурга в Молдавскую Армию, повторенным и во оном благовоительном письме благословением»¹¹. То есть получается, что императрица благословила героя даже не один раз, а дважды — и устно при встрече, и в письме! Не менее интересным предстает и письмо М.И. Платова уже из Санкт-Петербурга от 3 февраля 1812 г., в котором он очень сильно огорчается, что из-за болезни не смог лично поздравить императрицу с именинами ее младшей дочери великой княжны Анны Павловны: «Всемиловейшая Государыня! К душевному прискорбию моему здоровье мое от болезни еще не укрепилось, и потому не имею счастья принести лично Вашему Императорскому Величеству всеподданейшее поздравление со днем тезоименительства Государыни великой Княгини Анны Павловны»¹². Данное письмо может свидетельствовать о том, что императрица не просто благоволила Платову, но даже допускала его в свой круг при императорском дворе. Тем более это подтверждается фактом, что в прошлом 1811 г. в день именин Анны Павловны генерал от кавалерии Платов присутствовал у императрицы на обеде «в Арсенальном зале на 43-х кувертах»¹³ как зафиксировал камер-фурьерский журнал. Понятно, что подобное расположение от вдовствующей императрицы удаивались далеко не все. Именно поэтому, исходя из переписки, Матвей Иванович всячески старался оправдать столь высокое монаршее доверие и также никогда не упускал случая продемонстрировать свое безмерное почита-

ние государыне. Так, например, в письме от 4 мая 1812 г. атаман войска Донского благодарит императрицу за присылаемые в армию бандажы, компрессы, бинты, корпию и др., а также наглядно подчеркивает, насколько сильно лично для него имеет значение подобное благодеяние со стороны вдовствующей императрицы: «Благоговая к Священнейшей Особе Вашего Императорского Величества, и приисполняясь верноподданической благодарностью за столь неоцененное Матернее Ваше попечение о воинах Высочайше вверенного мне Донского войска <...> я из числа оных вещей одни перчатки и малую часть корпии, бандажей и компрессов, оставил собственно для себя, на случай надобности, которые естли употреблены не будут, то остануться при войске для хранения на всегдашнюю память будущих времен, как неоцененный дар Августейших трудов Ваших. Прочее же все количество, отдал я для сохранения и употребления находящимся при вверенном мне корпусе доктору Нестерову»¹⁴. Кроме этого, М.И. Платов также был и осведомителем у императрицы относительно боевых действий. Атаман войска Донского неоднократно с большими ли меньшими подробностями описывал ей положение свое и армии, как например, в письме от 22 июля 1812 г.: «Помня священный долг мой доносить Вашему Императорскому Величеству, я до сего времени, не имел ни свободного случая, ниже оказий; ибо с 16-го числа прошлого июня находился в ежесуточном движении не сходя с лошади. Теперь по присоединении моем к первой Армии, имею счастье донести Вашему Императорскому Величеству, что по Матернему благословению Вашему я здрав. С дерзким неприятелем имел неоднократно дело и по благословению же Вашему Всемиловитивейшая Государыня поражал его везде, где только он со мною встретился. О одержанных мною над ним победах описывать я не распространяюсь, уверен, что Ваше Величество изволит увидеть из ведомостей; у меня же благодарение Богу урону очень мало. Признаюсь Всемиловитивейшая Государыня, что неприятель и дерзок и силен; но теперь по соединении <...> Армий наших при Смоленске, Бог нам да поможет поразить врага, и разрушить дерзостные предприятия его, которые он злоумышлял тогда, когда не соединились еще силы наши»¹⁵. После Бородинского сражения и сдачи Москвы неприятелю М.И. Платов продолжает писать императрице о состоянии армии и в частности о своих личных победах и

заслугах: «Имея счастье пользоваться Высокомонаршим матерним благоволением Вашего Императорского Величества, имею подданический долг принести душевное поздравление мое с высокаторжественным днем рождения Вашего Всемилостивейшая Государыня! На кануне сего торжественного праздника прибывшие с Дону вновь под командою Генерал-майора Алексея Иловайского и отряженные со мною по повелению фельдмаршала в тыл неприятеля Донские полки разбили оного на калужской дороге, идущей из Москвы у города Мало-Ярославца. Побито довольно, положено и взято одиннадцать пушек. Другой отряд в трех Донских полках командированный мною под командою полковника Иловайского 9-го впереди города Медыня у селения Кремнеца разбивши неприятеля отбил пять пушек, убил одного французского Генерала и одного Генерала Хацкевича взял в плен. Третий Отряд под командою Генерал-майора Кутейникова 2-го посланный от меня далее в самый тыл неприятеля поразил оного у города Боровска. <...> В числе плена взят неприятельской дипломатик с картами и важными бумагами за рукою Бертье, которые и отправлены к фельдмаршалу нашему. Бумаги сии много открыли в пользу нашу о неприятельских замыслах»¹⁶. Данное письмо представляет, пожалуй, наибольший интерес. Во-первых, заметно, что М.И. Платов стремился «порадовать» императрицу хорошими донесениями ко дню ее рождения. Во-вторых, в предыдущих письмах генерал описывал свои личные достижения не столь подробно: «О одержанных мною над ним (неприятелем. — *Е. С.*) победах описывать я не распространяюсь, уверен, что Ваше Величество изволит увидеть из ведомостей». Тут же все расписано в довольно больших подробностях. Можно предположить, что этим письмом М.И. Платов также пытался возвысить себя в глазах императрицы после Бородинского сражения, в котором роль атамана воспринималась не однозначно. В-третьих, Платов не мог не знать, как именно воспринимают в Петербурге оставление Москвы, и соответственно своим письмом старался донести, что с взятием Первопрестольной русская армия не побеждена, и она уже начала брать реванш. Важно также подчеркнуть, что само письмо написано 14 октября 1812 г. в лагере у Малоярославца. Переписка генерала от кавалерии, атамана войска Донского с вдовствующей императрицей Марией Федоровной продолжалась и в дальнейшем во время Загра-

ничного похода. Последнее письмо М.И. Платова было написано уже после победы над Наполеоном 14 октября 1817 г., когда атаман находился в Новочеркасске. А уже 3 января 1818 г. М.И. Платов умер, поэтому можно сказать, что переписка между ним и императрицей Марией Федоровной закончилась со смертью атамана.

Отношения императрицы Марии Федоровны с главнокомандующим русской армией Михаилом Илларионовичем Кутузовым были совершенно иными. В Отделе рукописей Российской национальной библиотеки представлено всего лишь два письма императрицы, датированные 29 июля и 15 августа 1812 г. Исходя из этого, можно предположить, что императрица мало переписывалась с М.И. Кутузовым. Более того, во втором письме Мария Федоровна фактически сама подтверждает этот факт фразой: «Я чужою рукою пишу к вам сие письмо, зная сколь трудно читать собственную Мою рукопись непривыкшему к оной»¹⁷. Что касается характера и содержания обоих писем, они также имеют исключительно деловой характер: в первом письме Мария Федоровна информирует графа о своем желании сформировать ополчение с принадлежащих ей земель: «Граф Михаил Илларионович! Основываясь на Манифесте от 6-го сего месяца, Я предполагала из Моих вотчин поставить соответствующее оным число ратников, их одеть, вооружить и во все продолжение войны содержать собственным иждивением. Объяснением в Манифесте от 18-го июля, те имения, к которым причисляется Мои вотчины, исключены от сего ополчения, и должны ожидать рекрутского набора»¹⁸. Во втором же письме императрица просит М.И. Кутузова о том, чтобы посылать на его имя письма: свои собственные и жен военачальников, чьи мужья находятся в армии. Свою просьбу императрица мотивирует тем фактом, что раньше она отправляла письма великому князю Константину Павловичу. С его же отъездом доставка писем адресатом была осложнена, поэтому Мария Федоровна и решила обратиться лично к главнокомандующему. Кроме того, во втором письме обращает на себя внимание одно предложение, которое написано императрицей и также может объяснить столь малое количество писем между нею и М.И. Кутузовым, по крайней мере, во время войны 1812 года: «Я предупреждаю вас однако, что Я не буду впредь утруждать вас Моими при том к вам писаниями, при <...> трудных нынешних ваших занятиях, а просто посылать

буду под вашим адресом при реестре, дабы выполняя Мои препоручения, вы не озабочивались ответами»¹⁹. То есть можно с уверенностью сказать, что Мария Федоровна, как она сама выразилась, решила не беспокоить главнокомандующего, у которого было слишком много дел. Тем более, как уже было сказано, это письмо написано было 15 августа 1812 г., в критическое время, когда наполеоновская армия стремительно приближалась к Москве и за два дня до принятия М.И. Кутузовым обязанностей главнокомандующего. Тем не менее, несмотря на явную официальность в обоих письмах, все-таки императрица Мария Федоровна не преминула воспользоваться данным письмом, чтобы показать свое уважение к полководцу, от решений и таланта которого теперь зависела судьба русской армии и Москвы. Так, последнее письмо она заканчивает словами: «Я не могу не воспользоваться сим благоприятным случаем, чтобы повторить вам изъявление искренних желаний Моих: да увенчает подвиги ваши благополучным успехом, теплые моления ко Всевышнему, да ниспошлет благословение свое на ваши предприятия и твердого упования Моего на вашу опытность, ваше рвение и вашу преданность к Государю и Отечеству. Пребываю с истинным уважением и доброжелательством вам всегда благосклонною»²⁰. Таким образом, на протяжении обоих писем императрица Мария Федоровна в большей степени соблюдала вежливость и уважение. В отличие от писем к П.И. Багратиону, нет никаких дополнений с вопросами о здоровье, с пожеланиями скорейшего возвращения и т. п., поскольку общение между этими двумя людьми было не столь регулярно.

Подводя итоги, можно сказать, что личные взаимоотношения между корреспондентами находят прямое отражение в их письмах друг к другу, в данном случае в письмах между императрицей Марией Федоровной и военачальниками. Эти взаимоотношения влияют на содержание писем и таким образом дают нам возможность узнать больше информации об отправителе. Безусловно, невозможно дать исчерпывающую характеристику указанным корреспондентам, поскольку некоторые письма отсутствуют, а именно переписка Марии Федоровны с Багратионом за 1812 г., ответные письма императрицы к атаману Платову и, по крайней мере, одно ответное письмо Кутузова. Однако, несмотря на данный недостаток, все же, как уже было сказано ранее, в данном исследовании предпринята лишь попытка

интерпретировать личные отношения, исходя из имеющихся источников. Безусловно, данный вопрос, поставленный в исследовании, еще нуждается в доработке и дальнейшем изучении с привлечением дополнительных источников.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ОР РНБ. Ф. 143. Д. 163. Л. 5.

² Там же. Л. 3.

³ Там же. Д. 173. Л. 3.

⁴ Там же. Л. 1.

⁵ Там же. Л. 3–4.

⁶ Там же. Л. 2.

⁷ Там же. Л. 5.

⁸ Там же. Д. 163. Л. 1.

⁹ Там же. Д. 203. Л. 2.

¹⁰ Там же. Л. 2.

¹¹ Там же. Л. 5.

¹² Там же. Л. 8.

¹³ Камер-фурьерский церемониальный журнал государыни императрицы Марии Феодоровны 1811 года. Январь — август. СПб., 1910 г. С. 108–109.

¹⁴ ОР РНБ. Ф. 143. Д. 203. Л. 9.

¹⁵ Там же. Л. 12.

¹⁶ Там же. Л. 14–15.

¹⁷ Там же. Д. 166. Л. 3.

¹⁸ Там же. Л. 1.

¹⁹ Там же. Л. 3.

²⁰ Там же. Л. 3–4.